

Литература

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. – М.; Л.: Изд. АН ССР, 1953–1959.
2. Воропаев В.А. Мертвые души: кто они? О названии поэмы Н.В.Гоголя // Русская речь. – 2002. – №3.
3. Гоголь Н.В. Мертвые души. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1972.
4. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л., 1979.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1999.
6. Клименко Т.И. Имя концепта "душа" и его отражение в словарях // Русское слово в языке и речи. – Брянск, 2000.
7. Колесов О.Ю. Концепт культуры: образ – понятие – слово // Вестник СПбГУ. Серия 2. – 1993.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997.
9. Переписка Н.В.Гоголя: В 2 т. – М., 1988.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.
11. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. – Т. 1. – М., 1982.
12. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – Т. 1. – М.; Л.: Наука, 1950.
13. Смирнова-Чикина Е.С. Поэма Н.В.Гоголя "Мертвые души": Комментарий. – Л.: Просвещение, 1974.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
15. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова: В 4 т. – Т. 1. – М., 1996.

Стародубец С.Н., Неронская Е.К.

О некоторых стилистических особенностях литературно-критических статей Н.В.Гоголя

*Гений – богач страшный, перед которым
ничто весь мир и все сокровища.*

Н.В.Гоголь

Неожиданно, оригинально заявил себя в русской литературе Н.В.Гоголь циклом повестей "Вечера на хуторе близ Диканьки" (ч. 1, 1831 и ч. 2,

1832), по поводу которых Белинский в 1840 г. скажет: "... это совершенно новый небывалый мир искусства". Надеждин уже в 1831 г. очень верно определит глубокое внутреннее содержание всего цикла и укажет, что обращение Гоголя к Украине – это обращение к коренным, национальным первоосновам славянского мира, "... в коем сохраняются живейшие черты славянской физиономии и лучшие воспоминания славянской жизни" [8, с. 280–282].

Через пародирование романтических тайн и чудес Гоголь шел к реализму, принципы которого надо было утверждать не только практикой своего художественного дела, но и противопоставлением критическим постулатам классицизма и сентиментализма как остаточным явлениям и романтической критике.

В литературно-критических выступлениях Гоголя его противостояние эстетике романтизма обнаруживается в наличие такого существенного стилеобразующего фактора, как украинские народные песни, пословицы, шутки, прибаутки, что совершенно не характерно для стиля романтических произведений и поэтических, и прозаических. Литературная критика почувствовала это расхождение эстетики Гоголя с эстетикой романтизма, и Н.Полевой "указал" Гоголю, что его пасичник Рудой Панько ничего общего не имеет с героями Марлинского, этими образчиками подлинного романтизма. С Н.Полевым спорит, хоть и не впрямую, Пушкин, считая "Вечера..." явлением в русской литературе невиданным, т.е. ни на что не похожим, явно новаторским. Н.Надеждин тоже считал, что "Вечера..." отличаются от традиционной романтической прозы "высочайшей истинностью".

Итак, уже дебют Гоголя в литературе вызвал живые споры, столкновения мнений, разноречивые суждения. Но сам автор в полемику не вступал, если не считать нескольких замечаний по поводу дискуссии Белинского и К.Аксакова по поводу "Мертвых душ".

Но с 1834 года появятся критические заметки Гоголя по поводу "Бориса Годунова" Пушкина, поэзии И.Козлова. С 1835 года литературно-критические и публицистические выступления Гоголя станут более популярными. Тематически – это самый разнообразный материал (скульптура, живопись, музыка, средние века, преподавание истории, малороссийские песни, география и т.д.).

В жанровом отношении статьи Гоголя тоже представляют собой сложную картину, иногда приближаясь к жанрам художественных произведений. Например, заметка о "Борисе Годунове" Пушкина – лирический монолог с включением диалогических форм множественности и

разнохарактерности суждений по поводу этого произведения Пушкина в так называемом обывательском ареале. Статьи "Скульптура, живопись, музыка", "Жизнь" – философская аллегория или "эмблема".

К собственно литературной критике относятся статьи Гоголя, напечатанные в "Современнике" (1836–1837), главы IV, V, VII, X, XIII, XIV, XV, XVIII, XXXI в "Выбранных местах из переписки с друзьями" (1847) и не напечатанные при жизни Гоголя статьи "О "Современнике"", "Заметка о Мериме", "Учебная книга словесности для русского юношества". При всем универсализме гоголевской критики она оставалась в тени его художественных созданий, поэтому не сразу нашла признание. На это обстоятельство указал в начале XX века С.А.Венгеров, историк литературы, библиограф: "Если Гоголь-историк ценится у нас, обыкновенно, незаслуженно мало, то Гоголь-критик просто мало кому известен" [6, с. 55].

Внимание к литературно-критическому наследию Гоголя особенно проявилось после того, как ученый хранитель Румянцевского музея Г.П.Георгиевский издал 2 тома рукописей Гоголя. В этих рукописях обнаружился размах и настойчивость гоголевских изучений истории, этнографии, фольклора, его колоссальное трудолюбие и изыскания в других научных отраслях.

Теоретические взгляды Гоголя, все его художественно-эстетическое мировоззрение складывалось под воздействием украинской культуры, в том числе демократической, народной, "низовой", в тесном переплетении с культурой русской и западноевропейской, из философских установок немецкой диалектики. Отсюда и неординарность стиля гоголевских литературно-критических суждений.

Предположительно, статья "Несколько слов о Пушкине" написана в 1834 г., когда многие произведения Пушкина наталкивались на непонимание не только читателей, но и критиков, в том числе и Белинского. Но Гоголь категорично заявил, что Пушкин вступил в высший период своего творческого развития. В дореволюционной работе Н.К.Гудзия была дана объективная оценка гоголевской концепции: "До появления этой статьи у нас почти не существовало таких общих обзоров, посвященных рассмотрению пушкинских творений, так сказать, *en masse*" [7, с. 15]. (Следует уточнить: до Гоголя Иван Киреевский в своей статье "Нечто о характере поэзии Пушкина" предпринял глубокий "обзор" творчества Пушкина. Это была единственная работа в "пушкинистике" 1820–1830-х гг., которая могла конкурировать со статьей Гоголя.)

Статья Гоголя была высоко оценена Белинским: "Я не знаю лучшей и определенной характеристики национальности в поэзии, как ту,

которую сделал Гоголь в этих коротких словах, врезавшихся в моей памяти: "Истинная национальность состоит не в описании сарафана, а в самом духе народа" [5, V, с. 558]. (В 40-х гг. Белинский изменил свое мнение об "ученых статьях" Гоголя.) Гоголевская антитеза "сарафана" и "духа народа" станет литературно-критическим афоризмом в полемиках западников и славянофилов, "почвенников", "органиков" и "реальных" критиков.

Статья начинается характерной для Гоголя стилистической фигурой – употреблением превосходной степени: "При имени Пушкина тотчас *осеняет* мысль о русском национальном поэте"; не клише типа "мы думаем", "нам кажется", – "осеняет". Стиль торжественного слова, сформировавшийся в древнерусской литературе. Далее: "Никто из поэтов наших не *выше* его", "не может *более* называться национальным", "он *более* всех", "в нем... *все* богатство, сила и гибкость нашего языка".

Свою речь о Пушкине 8 июня 1880 г. в Московском благотворительном собрании на втором торжественном заседании Общества любителей российской словесности Достоевский начал словами: "Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь".

Эта оценка Гоголем значения Пушкина для русской культуры, для Достоевского единственно точная и убедительная. Не раз в работах о Пушкине будут цитироваться эти слова. Далее Гоголь разовьет свой тезис и выделит главное преимущество Пушкина перед другими русскими писателями: "... это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла" [5, VI, с. 56]. Многократное повторение прилагательного "русский" усиливает эффект убедительности, восхищения, преклонения перед *национальным* гением России.

Обращаясь к непонятым, непринятым, недооцененным произведениям Пушкина, Гоголь указывает на своеобразие их стилистики, на совершенство формы пушкинских творений: "Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает. Его небольшая пьеса всегда стоит целой поэмы. Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина" [5, VI, с. 57].

В своих критических суждениях Гоголь не адвокатствует (Пушкин в этом не нуждается), а терпеливо объясняет адептам пушкинского роман-

тизма, что невозможно с той же яркостью и ослепительной смелостью изобразить "более спокойный и гораздо менее исполненный страстей быт русский" или "судью в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом, посредством справок и выправок, пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ" [5, VI, с. 59], как изобразил Пушкин "горы Кавказа и его вольных обитателей".

Использование риторических вопросов ("По справедливости ли оценены последние его поэмы?"; "Определил ли, понял ли кто "Бориса Годунова?.."; и др.), риторических восклицаний в тексте статьи "Несколько слов о Пушкине" ("... Но горе ему, если он не умел скрыть всех ее недостатков!"; "но в этом случае прощай толпа!" и др.) – это свидетельство полемичности, диалога автора-критика с читателем, с определенным кругом литературных критиков, в том числе и с Белинским. У Гоголя есть своя аргументация в доказательствах истины. И эта аргументация несет в себе огромный эмоциональный заряд, по стилю приближаясь к лирическим отступлениям в "Мертвых душах": "Сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и непрерывны, как русская природа. Их только может понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух. Потому что чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы необыкновенное было, между прочим, совершенная истина" [5, VI, с. 60].

Гоголь-художник и Гоголь-критик взаимодополняют друг друга. Поэтому в статье присутствует целый ряд выразительных эпитетов, метафор, олицетворений: "мелкие стихотворения" – "ослепительные картины", "серебряная река"; "шея, обсыпанная ночью темных кудрей"; "каскад красноречия"; "бездна пространства"; "фраза оглушает падением всей массы"; "мелкие сочинения" – "просто возвышенны"; "так яркие", "так пламенные", "так сладострастные", "так детски чисты". Очень часты употребления сравнений, как простых, так и развернутых.

О непреходящей эстетической ценности пушкинских произведений Гоголь говорит уверенно, убежденно, предвосхищая те же оценки, которые появятся значительно позже в литературоведческой пушкинистике, ибо даже его "мелкие сочинения можно назвать пробным камнем, на котором можно испытывать вкус и эстетическое чувство разбирающего их критика" [5, VI, с. 61].

Эстетические принципы Гоголя враждебны всякому "идеальничанию".

В умонастроениях 1820–1830-х гг. появилось пристрастие к философски значительному в поэзии, к ее "мысли", выраженной в эффектной, афористической форме. От поэзии ждали сентенций и апофегем, а грань между поэзией и собственно философией незаметно, но неукоснительно стиралась. От Пушкина ожидалось соблюдение этих требований. Внешняя непритязательность и внутренняя глубина, многозначительность смысла пушкинских произведений 30-х годов оставались непонятыми современным критикам (например, Надеждину).

Гоголь же указывал, что в антологических стихотворениях "... нет красноречия, здесь одна поэзия; ... все исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; все лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия".

Гоголь не просто ценитель искусства, выступавший с тонкими суждениями, он профессионально занимался литературной критикой, хотя и эпизодически. В Полном собрании сочинений А.С.Пушкина ([3, VIII, с. 49] есть запись из дневника Пушкина от 7 апреля 1834 г.: "Гоголь по моему совету начал историю русской критики"). "История" не была написана, но в своих литературно-критических выступлениях он проявился как превосходный литературный критик, находчивый и доказательный полемист, глубокий и оригинальный теоретик в области эстетики. Современны сегодня воспринимаются рассуждения Гоголя о задачах журнальной периодики, о народности, о реализме, о содержании поэзии, языке литературных произведений. Говоря о значении Пушкина, Гоголь – его современник и в некоторой степени ученик – обстоятельно разобрался в причинах орхлаждения к Пушкину русских писателей 30-х годов. ("Когда по Пушкину кручинилась миряне, Что в нем не чувствуют былого волшебства, // он думал: "Милые, кумир не умирает, // В вас юность умерла!") [4, II, с. 227]. И эта точка зрения была безоговорочно принята всем последующим пушкиноведением.

Стилистическое богатство гоголевских критических работ поразительно. Вот, например, излюбленный прием Гоголя – персонификация понятий и явлений с помощью неожиданных полуиронических деталей в сопоставлении Петербурга и Москвы в статье "Петербургские записки 1836 года". В статье "В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность" с помощью этого приема характеризуются целые исторические периоды и поэтические школы: "Наступил век Александра, опрятный, благопристойный, вылощенный..."; поэзия "сделалась сама похожею на умного и ловкого светского человека, когда он сидит в

гостиной и ведет разговор... Затем, чтобы просто повести разговор и пощеголять уменьем вести его обо всех предметах" [4, VI, с. 327].

Как изумительно "работает" "деталь" в оценках Гоголем своеобразия русских поэтов: "У каждого свой стих и свой особенный звон. Этот *металлический, бронзовый* стих Державина... этот *густой, как смола или струя столетнего токая*, стих Пушкина, этот *сияющий, праздничный* язык Языкова, *влетающий как луч в душу*, весь *сотканный из света*; этот *облитый ароматами полудня* стих Батюшкова, *сладостный, как мед из горного ущелья*; этот *легкий, воздушный* стих Жуковского, *порхающий, как неясный звук золотой арфы*; этот *тяжелый, как бы влачащийся по земле* стих Вяземского, проникнутый подчас едкой, щемящей русской грустью..." [4, VI, с. 358].

В дискурсе литературно-критических статей, эссе, заметок, этюдов Гоголя органично уживаются со стихией русского языка стихия комедий В.А.Гоголя, сказок Гулака-Артемовского, "Энеиды" И.Котляревского как опосредованное взаимопроникновение двух культур – русской и украинской.

Литература

1. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. – М., 1984–1986.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 26. – Л., 1984.
3. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 8. – М.; Л., 1949.
4. Вознесенский А.А. Собр. соч.: В 3 т. – Т. 2. – М., 1984.
5. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. – М.; Л., 1953–1959.
6. Венгеров С.А. Собр. соч. – Т. 2. – СПб., 1913.
7. Гудзий Н.К. Гоголь – критик Пушкина. – Киев, 1913.
8. Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. – М., 1972.

І.В.Фісак

Християнські мотиви у "Вибраних місцях із листування з друзями" М.В.Гоголя

Питання використання християнських мотивів і образів у російській літературі знайшло відображення в значній кількості наукових праць досліджень, зокрема М.Дунаєва, І.Єсаулова, А.Нямцу, І.Кирилової, С.Семенова, І.Галинської та інших літературознавців. На думку Ф.Светова, "велика російська література живе в присутності Бога, в Церкві, чи сповідує вона Його, як Гоголь у "Вибраних місцях із листування з друзями" або